

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

ВОЗВРАТ НЕВОЗМОЖЕН

Аделина Истина

Точка невозврата

<https://litres.ru/73939434>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Мне было четырнадцать лет, когда моя жизнь превратилась в коридор без окон и дверей. Девять лет я наблюдала, как родная мать медленно забирает мою молодость, мою радость и мою волю, прячась от соседей за "маской с сердечками". Это история о девочке, которая росла сиротой при живых родителях, стала трофеем в чужой войне и разменной монетой для самых близких. Но даже в самой глубокой темноте раненый Олень способен поднять голову. И в полном молчании наконец-то осознать: "Я больше не твоя еда. Я — человек". Пронзительная, честная и болезненная повесть о выживании в коконе токсичной материнской "любви" и битве за собственную душу».

Содержание

Глава 1: Точка невозврата	4
Глава 2: Наследство из боли. Семь месяцев и две смерти	6
Глава 3: Ребёнок «ошибки» и ребёнок «любви»	8
Глава 4: порог	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Точка невозврата

Глава 1: Точка невозврата

Мне было четырнадцать.

В четырнадцать лет у нормальных девочек начинаются мечты, первая влюблённость и споры о нарядах. В четырнадцать лет моя жизнь превратилась в коридор без окон и дверей.

Я помню тот день, когда всё изменилось. Моя мать подошла ко мне, и в её глазах не было тепла, которое обычно ищут дети. Там был холодный расчёт и какой-то странный, лихорадочный блеск. В тот день она впервые стёрла границу между матерью и дочерью. Те поцелуи в губы, те слова, которые она шептала... это не была любовь. Это было начало моего медленного убийства.

Она надевала свою «маску с сердечками» для соседей и родственников. Для всех мы были идеальной семьёй. Но когда дверь закрывалась, маска сползала. Она начинала «есть» меня.

Я замечала страшное: чем бледнее и слабее становилась я, тем свежее выглядела она. Как будто она высасывала мою молодость, мою радость, мою волю. Девять лет я наблюдала за этим превращением. Я сохла, а она цвела на моих слезах.

Вчера она кричала мне в лицо, что пойдёт к гадалке, что-

бы «убрать магию». Она думает, что моё молчание — это порча. Она не понимает, что дело вовсе не в магии. Это просто Олень, который девять лет лежал со сломанными ногами в тёмном лесу, наконец-то поднял голову.

Я смотрела в её пустые глаза и молчала. И в этом молчании я впервые почувствовала: я больше не её еда.

Я — человек.

Глава 2: Наследство из боли. Семь месяцев и две смерти

Я пришла в этот мир слишком рано — семимесячной. Как будто моё тело уже тогда чувствовало: здесь будет нелегко, нужно поторопиться, чтобы успеть окрепнуть. Но матери я была не нужна. Ей самой было пятнадцать — возраст, когда ещё играют в куклы, а не баюкают младенцев. Она просто оставила меня, как вещь, которую забыли в гостях.

Моим миром стала бабушка. Она была моим небом, моей землёй и моей защитой. Отец ушёл в другую жизнь, когда мне был всего год, а мать... мать была просто тенью, которая почти никогда не появлялась.

Бабушка часто повторяла мне: «Она никогда не делала тебе добра». Она знала свою невестку. Она видела ту пустоту, которая в ней росла. Но при этом бабушка наложила на меня страшное заклятье. «Когда я умру, — говорила она, — ты пойдёшь к ней». Я кричала, я отказывалась, я не хотела верить, что мой единственный оплот когда-нибудь исчезнет.

В двенадцать лет мой мир рухнул. Бабушка умерла. Вместе с ней умерла и моя свобода. Шок от потери был настолько сильным, что я не сразу поняла: меня передают в руки человека, который не знает, что такое любовь, но зато отлично знает, что такое власть.

В четырнадцать лет я переступила порог её дома. Я была сиротой при живых родителях. Я ещё не знала, что через два или три месяца начнётся мой девятилетний ад. Я была просто испуганным ребёнком, который потерял своего ангела-хранителя и остался один на один с той, кто когда-то меня бросила.

Глава 3: Ребёнок «ошибки» и ребёнок «любви»

В семь лет у меня появилась надежда. Мама и папа вдруг решили попробовать снова. Это длилось недолго — всего месяц, может быть, два. Но я помню то странное, хрупкое чувство, будто мир вокруг меня наконец-то перестал шататься и встал на свои места. Я засыпала под приглушенные голоса на кухне и думала, что теперь всё будет хорошо. Но это была лишь иллюзия. Они снова разлетелись в разные стороны, с треском и навсегда. Только в этот раз после их взрыва осталась не просто пустота, а новая жизнь. Моя сестра. Мы обе — дочери одного отца и одной матери. Но между нами с самого первого дня легла невидимая пропасть. Я родилась, когда маме было всего пятнадцать. Я была её «ошибкой», семимесячным напоминанием о раннем падении, от которого можно было откупиться, просто оставив меня бабушке. Сестра же появилась на свет из того короткого месяца их запоздалой, зрелой любви. Она стала для матери шансом начать всё чистого листа. Шансом смыть старый позор. Когда мне исполнилось двенадцать, бабушки не стало. Мой тёплый, безопасный мир рухнул. Но мама не забрала меня к себе в дом — я осталась жить у своей замужней тётки. Я очень любила тётю, и, кроме неё, у меня в целом мире нико-

го не осталось. Но в её доме я совсем не чувствовала жизни. Там было как-то сухо, чужой быт, чужие правила... А я везде, в каждом углу, каждой клеточкой кожи ощущала только мою бабушку. Я до сих пор помню те дни. Я подолгу стояла у порога, смотрела на дверь и ждала. Мои пальцы сжимались, а в голове крутилась одна и та же детская иллюзия: вот сейчас дверь откроется, бабушка войдет, улыбнется и, как раньше, накормит меня сладостями или просто протянет кусочек хлеба... Но за дверью была пустота. Я уходила в самый дальний угол и плакала в тайне от всех, чтобы никто не заметил моей нескончаемой печали. Я всё ждала, что бабушка вернётся. Но вместо бабушки пришла взрослая, беспощадная жизнь. В свои двенадцать лет я начала работать. Каждый божий день я ходила с тётёй на работу — помогала ей продавать одежду. Первые два или три месяца я даже не чувствовала усталости. Мне казалось это правильным, я хотела быть полезной. Но дальше всё покатило в самый ад. У тётёи был маленький ребёнок, всего десяти месяцев от роду. Когда он тяжело заболел гриппом, тётёя закрылась с ним дома. И вся её работа полностью легла на мои двенадцатилетние плечи. Одна. Каждый божий день. В любую погоду я сама шла на работу. Сама торговала, сама вела дела. Все заработанные деньги до копейки я приносила в её дом и отдавала ей. А на те крохи, что тётёя выделяла мне как «зарботок», я шла и покупала продукты — чтобы накормить её же семью. Я вкалывала за взрослого человека, пока моя мама где-то там,

в своём тёплом мире, обнимала мою сестру и покупала ей новые игрушки. Мама строила своё счастье, а меня просто вычеркнули из жизни, выбросив на работу зарабатывать чужим людям на хлеб. В те дни у порога я больше не ждала бабушку со сладостями. Я возвращалась со смены, смотрела на свои стёртые, грязные ладони и понимала: детства больше нет. Меня ломали. Тихо. Каждый день.

Глава 4: порог

А потом мне исполнилось тринадцать. В тот день не было никакого праздника. Ни подарков, ни тёплых слов, ни торта со свечами. День прошёл так, будто меня и на свете не существовало. Я снова была на работе. На рынке, вместе с тётёй. Посреди бесконечной суеты внутри вдруг началась сильная, пугающая боль. Живот скрутило так, что потемнело в глазах. И прямо там, на рабочем месте, под пронизывающим холодным ветром, я впервые столкнулась со взрослой женской реальностью. Я застыла. Меня затрясло от жуткого страха и стыда перед огромной толпой. Я тихо плакала от беспомощности. Я не понимала, куда спрятаться. Вокруг шумели люди, шла торговля. Никому не было дела до тринадцатилетней девочки. У тётёи в кармане не было ни копейки. На мои же собственные, заработанные тяжёлым трудом деньги она пошла и купила мне первые женские гигиенические вещи. А после этого тётёя одолжила денег, развернулась и ушла. Она пошла по рядам заниматься своими делами. Я осталась одна нести всю ответственность за точку. Я работала своими руками, замерзала, превозмогала боль и стыд, пока взрослые решали свои проблемы. Этот контраст был невыносим: я отдавала все силы, но была совершенно беззащитна. Позже я узнала, что тётёя дошла до моей матери. Мать торговала совсем неподалёку, на том же рынке. Тётёя попыталась воз-

звать к её сердцу:— У твоей дочери сегодня важный день, она взрослеет. Купи ей хоть что-нибудь из женских вещей, прояви заботу! Мать даже не повернулась в мою сторону. Полное эмоциональное отсутствие. Она ответила равнодушно, сухо, отрезая каждое слово:— Она сейчас с тобой. Ты за ней смотришь — вот сама и думай. Тётя вернулась ко мне и прямо передо мной разрыдалась. Слезы текли по её лицу, когда она шептала:— Ты же сама знаешь моё положение... Я едва выживаю. Мне нечего тебе дать. Наоборот, ты сама меня в эти последние месяцы кормила своим трудом. Я стояла и слушала её плач под гул равнодушного рынка. В кармане пальцы сжимали купленные на мои же копейки вещи. В голове стучала одна-единственная мысль. В этот холодный день, посреди чужой толпы, я осталась совсем одна. Моё детство закончилось здесь, на этом рынке, так и не успев начаться..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.